

Путь
Солдато́ва

Преображение
Солдато́ва
Книга 2

Alexander Grigoryev

18+

Александр Григорьев
Преображение
Солдатова, книга 2
Серия «Путь Солдатова», книга 3

<https://litres.ru/73550629>

SelfPub; 2026

Аннотация

Барыня превращает крестьянского сына в дворянина через тело и запретные игры. Солдаткин учится чувствовать, подчиняться и повелевать, пока юная Лиза не видит в нём мужа. Теперь ему предстоит главный выбор: остаться игрушкой или принять предложение, меняющее всё.

Содержание

ПРОЛОГ. Вхождение в клетку	4
ЧАСТЬ I. ПЕРВЫЕ ИГРЫ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Преображение Солдатова, книга 2

ПРОЛОГ. Вхождение в клетку

Часть 1. Бессловесная вещь

Усадьба Вронских встретила его тишиной. Не той лесной, где ветки потрескивают да птицы перекликаются, а другой – гулкой, пустой, с отголосками шагов по каменным плитам. Солдаткин ступил на крыльцо и замер, будто скотина перед незнакомыми воротами. Барыня, шедшая впереди, обернулась, усмехнулась уголком губ:

– Не бойся, здесь не кусаются.

Он не боялся. Он вообще ничего не боялся после того, как дважды убил нечисть. Просто всё было чужое, большое, непонятное. Стены в два его роста, окна с узорами, люди в нездешних одеждах, что кланялись, но смотрели исподлобья.

В бане его парили чужие руки – сухие, быстрые, без материнской ласки. Смывали дорожную грязь, тёрли мочалом, пока кожа не зарозовела. Потом стригли – длинные космы, что мать когда-то заплетала в косицу, падали на пол, и Солдаткин смотрел на них с недоумением. Кто он без этой гривы? Просто мужик, каких много.

Одели в чистое: рубаху тонкого полотна, портки из мягкой шерсти, сапоги с высокими голенищами. Он стоял посреди горницы, опустив руки, и чувствовал себя голым, хотя одет был лучше, чем когда-либо в жизни. Всё чужое, всё не его.

Барыня вошла без стука, когда он уже думал, что его оставят в покое. В руке у неё была свеча, огонёк колебался от её дыхания, бросал тени на лицо. Солдаткин впервые разглядел её пристально, не мельком, как в избе у старосты.

Тридцать лет, говорила мать, когда пересказывала слухи. В деревне бабы в тридцать – старухи. Согнутые, с руками, как кора, с лицами, изъеденными ветром и нуждой. А эта... Он смотрел и не верил. Высокая, тонкая в талии, грудь высокая, шея длинная, белая. Волосы тёмные, уложены в затейливую причёску, какой в Зеленухе и не видавали. Лицо гладкое, без морщин, только у глаз лёгкие лучики – от смеха, наверное.

– Что уставился? – спросила она не сердито, скорее с любопытством.

Он промолчал. Язык прилип к гортани.

Она поставила свечу на стол, села в кресло у камина, жестом указала ему на пол, к своим ногам. Он не понял.

– Сядь здесь, – сказала она терпеливо. – Ближе.

Он опустился на колени, как пёс. Она провела рукой по его влажным ещё волосам, по щеке.

– Ну, рассказывай. Как звать?

– Солдаткин, – буркнул он, глядя в пол.

– Имя есть?

– Митяй.

– Хорошо, Митяй. Я – Ольга Павловна. Запомнил?

Он кивнул.

– Ты знаешь, зачем тебя привезли?

– Дело делать, – ответил он, не поднимая глаз.

– Какое дело?

– Бабье. – Он поднял глаза, встретился с её взглядом и снова уткнулся в пол. – Я бычком ходил. В деревне. Меня бабам давали, чтоб проверять. Или чтоб понесли.

Она усмехнулась, но без злости.

– Значит, бычком. Ну, посмотрим, какой ты бычок.

Она поднялась, прошла по комнате, и он невольно следил за ней взглядом. Потом остановилась перед ним, подобрала подол и села ему на колени, лицом к лицу. Он замер. Это было не так, как в деревне. Там девки сами ложились, раздвигали ноги, а он делал дело. А тут... она была сверху, и он не знал, что делать.

– Ну? – спросила она. – Чего ждёшь?

Он потянулся к ней, как привык, грубо, сразу к делу, но она остановила его руку.

– Нет. Ты просто лежи. Я сама.

Он лёг на спину, глядя в потолок. Она расстегнула его портки, взяла в руку то, что уже начинало твердеть, и медленно, осторожно опустила. Он чувствовал её тепло, тя-

жесть, слышал её дыхание, но внутри было пусто. Он делал это сотни раз, но всегда как работу: войти, двигаться, кончить. А тут работа была за него, и он не понимал, что чувствовать.

Она двигалась медленно, с закрытыми глазами, иногда постанывая. Он лежал, как бревно, и считал трещины на потолке. Раз, два, три... Когда она кончила, выдохнула и слезла с него, он так и не понял, что произошло. Только влажное пятно на животе напоминало, что дело сделано.

Она оделась, поправила причёску и посмотрела на него долгим, задумчивым взглядом.

– Завтра продолжим, – сказала она и вышла, забрав свечу.

Он остался в темноте. Рукой нащупал влагу, вытерся краем рубахи. Работа сделана, можно спать. Но сон не шёл. Он думал о ней, о её глазах, о том, как она двигалась сверху, и о том, что впервые в жизни не он был главным в этом деле. Это было странно, непривычно и... пусто.

Часть 2. Скука золотая

Неделя пролетела как один долгий день. Солдаткин вставал затемно, завтракал на кухне с прислугой, потом выполнял мелкие поручения: носил дрова, чистил конюшню, помогал на псарне. К нему присматривались, но не трогали – барыня велела не обижать.

Она звала его к себе каждую ночь. И каждую ночь повторялось одно и то же: она садилась сверху, двигалась, стонала, а он лежал, глядя в потолок, и терпел. Иногда она пробовала

по-другому: заставляла его целовать себя, гладить, но он не знал, как это делать. Целовал грубо, неумело, и она морщилась.

– Ты как деревянный, – сказала она однажды, слезая с него. – Не чувствуешь ничего?

– Чувствую, – ответил он. – Тепло. Влажно.

– А душа? Сердце?

Он не понял. Душа тут при чём?

Днём она иногда подзывала его к себе, сажала рядом и расспрашивала. О деревне, о матери, о нечисти. Он отвечал коротко, односложно, но метко, и она задумчиво смотрела на него.

– Как ты думаешь, Митяй, зачем ты здесь?

– Работать, – пожимал он плечами.

– А ещё?

– Не знаю.

Она вздыхала и отпускала его.

Как-то раз, когда он колол дрова во дворе, она подошла и встала рядом, глядя, как взлетает топор. Солнце освещало её, и он мельком увидел, что она не в платье, как обычно, а в простой рубаше и юбке, без причёски – волосы заплетены в косу. Она была похожа на обычную бабу, только красивую, нездешнюю.

– Устал? – спросила она.

– Нет.

– А в деревне твоя мать тоже дрова колет?

– Колет. Кому ж ещё? Отчим помер, я уехал.

– Тяжело ей?

Он промолчал, опустил топор. Думать о матери было больно. Она там одна, а он здесь, в тепле и сытости.

– Ты скучаешь?

– Не знаю, – ответил он. – Работа есть работа.

Она взяла его за руку, потрогала мозоли на ладони.

– У тебя руки как у мужика, а мысли... – она не договорила. – Приходи вечером, читаем.

Читать он не умел. Вернее, умел складывать буквы, но медленно, по слогам. Батюшка в Зеленухе учил, но немного. Когда он вечером вошёл в её комнату, она сидела с книгой в руках. Пододвинула ему стул, велела сесть рядом и начала читать вслух. Про какого-то рыцаря, про любовь, про прекрасную даму. Он слушал, не понимая половины слов, но голос её был тихий, ровный, и он вдруг поймал себя на том, что ему нравится сидеть вот так, рядом, и слушать.

– Нравится? – спросила она, закрывая книгу.

– Не знаю, – ответил он. – Слова красивые, а про что – не пойму.

– Про любовь, – сказала она. – Про то, что мужчина должен чувствовать к женщине, а женщина к мужчине.

Он подумал. В деревне мужики к бабам ничего не чувствовали. Была работа, был долг, были дети. А любовь... Это для господ, наверное.

– Я не умею так, – признался он.

– Научу, – сказала она, и в глазах её зажглась та самая искра, которую он видел в первую ночь. – Буду учить. Медленно, но научу.

В ту ночь она снова была сверху, но теперь она не просто двигалась, а говорила, шептала ему на ухо: «Чувствуешь, как хорошо? Чувствуешь, как я хочу тебя?» И он вдруг понял, что хочет ответить, но не знает, как. Тело его слушалось, но душа молчала.

Утром, проснувшись, он долго лежал, глядя в потолок, и думал о том, что она сказала. Научить любить? Разве этому можно научить? И зачем ему это? Он – бычок, работа у него простая. А она – барыня, госпожа. Между ними стена, которую ни ему, ни ей не перешагнуть.

Но когда она вошла днём и улыбнулась ему, он почувствовал что-то странное в груди. Не боль, не радость, а что-то другое, чему он не знал названия. Может, это и было то самое, о чём она говорила? Или просто с непривычки?

А она смотрела на него и думала: «Материал есть. Глина сырая, но хорошая. Из этого можно вылепить человека. Надо только терпение и время».

Она улыбнулась своим мыслям и велела ему идти к Дядьке, на конюшню. Там его ждал первый урок верховой езды. Но это уже совсем другая история.

ЧАСТЬ I. ПЕРВЫЕ ИГРЫ

Часть 3. Игра первая: «Вещь»

После той ночи, когда барыня сидела на нём сверху, а он лежал бревном, Солдаткин думал, что всё так и будет. Работа есть работа. Но она позвала его снова, и на этот раз всё было иначе.

Когда он вошёл в спальню, она уже ждала. Не в постели, а у окна, в длинной ночной рубашке, сквозь которую просвечивало тело. Свечи горели по углам, пахло какими-то травами – не то ладаном, не то ещё чем-то сладким, от чего кружилась голова.

– Раздевайся, – сказала она тихо. – До конца. Ложись на кровать. На спину. Руки вдоль тела.

Он разделся, лёг, как велено. Тело его, привыкшее к работе, напряглось в ожидании. Но она не спешила. Подошла, села рядом на край кровати, положила руку ему на грудь.

– Сегодня ты будешь просто лежать. Не двигаться. Что бы я ни делала – не шевелись. Понял?

Он кивнул.

Она начала медленно водить рукой по его телу – по груди, по животу, по бёдрам. Пальцы её были прохладными, мягкими, и от их прикосновений по коже бежали мурашки. Он хотел дёрнуться, когда она коснулась сосков, но вспомнил приказ и замер. Она провела ладонью по внутренней сторо-

не бедра, почти касаясь того, что уже начинало твердеть, но остановилась, перешла на другую ногу.

– Закрой глаза, – велела она.

Он закрыл. И вдруг мир исчез. Остались только её руки, её пальцы, её дыхание. Она гладила его, трогала, щипала, иногда проводила языком по коже, и каждое прикосновение отзывалось в нём дрожью. Он не понимал, что происходит, но тело само знало, как реагировать. Член встал колом, сердце заколотилось, в паху разливалось тепло.

Она долго водила руками, потом вдруг наклонилась и взяла его член в рот. Он вздрогнул, чуть не дёрнулся, но сдержался. Стало горячо, влажно, и по телу прошла волна, от которой перехватило дыхание. Она двигала головой ритмично, то убыстряя, то замедляя темп, и он чувствовал, как внутри нарастает то самое, что обычно вырывалось наружу. Но она остановилась.

– Терпи, – шепнула она, отрываясь. – Не кончай.

Она снова гладила его, целовала грудь, живот, бёдра, а он лежал, сжав зубы, и думал о навозе, о дровах, о матери – только бы не сорваться. И когда уже казалось, что сил нет, она вдруг села на него сверху, вошла в себя и задвигалась быстро, сильно. Он не выдержал, кончил, выгнувшись дугой, и долго не мог отдышаться.

Она лежала рядом, гладила его по волосам.

– Молодец, – сказала она. – Терпел. Учишься.

Он молчал, глядя в потолок. Впервые он чувствовал не

пустоту после работы, а что-то другое. Усталость, но приятную, и странную благодарность к ней.

– Зачем это? – спросил он наконец.

– Чтобы ты понял, что ты не только работа, – ответила она. – Ты можешь быть просто телом. И принимать. Это тоже важно.

Он не понял, но запомнил.

– В деревне я всегда был сверху, – сказал он после долгого молчания. – Всегда работал. А тут... ты работаешь, а я лежу.

– И что ты чувствуешь?

– Не знаю. Странно. Как будто я не я.

– Ты – это не только то, что ты делаешь. Ты – это то, что ты чувствуешь. Сегодня ты чувствовал. Это и есть начало.

Он задумался. Начало чего? Он не знал. Но почему-то верил ей.

Часть 4. Осознание

После той ночи Солдаткин долго не мог уснуть. Лежал на спине, глядя в потолок, и чувствовал, как внутри него что-то шевелится. Не боль, не голод – что-то другое, чему он не знал названия.

В деревне после работы он всегда засыпал сразу. Пришёл, сделал, ушёл, отключился. А тут лежал, и мысли лезли в голову, как тараканы в избе. Он думал о её руках, о её губах, о том, как она смотрела на него. Не как на бычка – как на... на кого? Он не знал.

Впервые в жизни он думал о себе. Не о работе, не о том,

что надо сделать завтра, а о том, кто он есть. Солдаткин. Митяй. Бычок. А теперь? Кто он теперь?

Она сказала: «Ты можешь быть просто телом». Что это значит? В деревне его тело было инструментом. Им пахали, им косили, им делали баб. А тут его тело... изучали? Ласкали? Зачем?

Он вспомнил, как она гладила его по груди, как её пальцы касались сосков, как по коже бежали мурашки. Это было странно, непривычно, но... приятно? Да, приятно. Но почему? Ведь он ничего не делал, просто лежал.

Может, она права? Может, он не только работа?

Утром он вышел во двор, сел на завалинку, глядя на солнце. Дядька, проходя мимо, остановился, прищурился.

– Чего сидишь, как сыч?

– Думаю, – ответил Солдаткин.

– О чём?

– О жизни.

Дядька хмыкнул, присел рядом, достал кисет, закурил.

– Жизнь – она штука простая, парень. Родился, жил, помер. А между этим – работа. У кого какая.

– А если не работа?

– Тогда баловство. Барыня тобой балуется, ты и рад. А она не просто так – она человек умный. Если учит, значит, надо.

– Чему учит?

Дядька посмотрел на него долгим взглядом, попыхтел трубкой.

– Тому, что ты не бычок. Ты человек. А человек должен понимать, что к чему. Не только телом, но и головой. Она тебе голову ставит, парень. Цени.

Солдаткин задумался. Голову ставит? Может, и правда. Он впервые за долгие годы почувствовал, что он не просто мясо, а что-то большее.

Вечером, когда она позвала его снова, он вошёл в комнату не как на работу, а с каким-то новым чувством. Любопытством? Ожиданием? Он сам не знал.

– Ты сегодня другой, – заметила она.

– Я думал, – ответил он.

– О чём?

– О себе. О вас. О том, что было.

– И что надумал?

– Не знаю. Но хочу понять.

Она улыбнулась, подошла, обняла его.

– Это уже много, Митяй. Очень много. Продолжим?

Он кивнул.

В ту ночь она снова учила его. Но теперь он не просто лежал – он пытался чувствовать. И впервые понял, что тело может говорить без слов.

Часть 5. Игра вторая: «Зеркало»

Прошло несколько дней после той ночи, когда он лежал, не двигаясь, и чувствовал. Солдаткин всё время думал о её словах. О том, что тело может говорить. О том, что он – не только работа.

Она позвала его снова. Когда он вошёл, она стояла посреди комнаты, голая, и смотрела на него.

– Раздевайся, – сказала она.

Он разделся. Она подошла, встала напротив, почти вплотную.

– Сегодня ты будешь моим зеркалом. Я делаю движение – ты повторяешь. Точно, как в зеркале. Понял?

– Понял.

Она подняла правую руку – он поднял левую. Она улыбнулась.

– Умница. Продолжим.

Она медленно провела ладонью по своему лицу, от лба к подбородку. Он повторил, но его рука была грубой, неуклюжей.

– Нежнее, – сказала она. – Представь, что ты гладишь не своё лицо, а моё. Чувствуешь?

Он закрыл глаза, представил. Провёл снова – медленнее, мягче.

– Хорошо. Открывай глаза.

Она коснулась своей груди – он коснулся её груди. Её кожа была тёплой, мягкой, и под пальцами он чувствовал, как бьётся сердце. Быстро, сильно.

– Чувствуешь? – шепнула она.

– Чувствую.

– Что?

– Сердце. Бьётся.

– Это оно бьётся от тебя.

Он не понял, но промолчал.

Она поворачивалась, наклонялась, тянулась, а он повторял. Каждое движение, каждый изгиб, каждый вздох. Час за часом, пока не научился ловить их без задержки.

– Хорошо, – сказала она наконец. – Теперь ты – я. Изобрази меня, когда я сержусь.

Он нахмурился, сжал губы, скрестил руки на груди. Она рассмеялась:

– Похоже! А когда радуюсь?

Он улыбнулся, широко, открыто, как улыбался в деревне, когда получал хорошую плату.

– Нет, – остановила она. – Радость должна быть нежной. Как утром, когда солнце встаёт.

Он попробовал снова – чуть прикрыл глаза, расслабил губы, улыбнулся едва заметно. У неё на глазах выступили слёзы.

– Хорошо, – прошептала она. – Ты учишься.

Ночью, когда они лежали в постели, она сказала:

– Запомни, Митяй. Ты не просто тело. Ты можешь быть кем угодно. Мужиком, воином, дворянином. Всё зависит от того, как ты себя ведёшь, как говоришь, как чувствуешь. Я учу тебя этому.

– Зачем? – спросил он.

– Потому что ты можешь стать больше, чем ты есть. А я хочу посмотреть, что из этого выйдет.

Она улыбнулась и поцеловала его в губы. Впервые поцеловала по-настоящему, не как учитель ученика, а как женщина мужчину. И он ответил.

Впервые он не просто выполнял работу, а участвовал. Впервые его тело и его чувства были вместе. И это было странно, ново, но почему-то правильно.

Часть 6. Батюшка

Утром барыня сказала:

– Сегодня к тебе придёт отец Алексей. Будешь учиться грамоте.

– Зачем? – спросил Солдаткин.

– Затем, что дворянин должен уметь читать и писать. Иначе какой ты дворянин?

Он не стал спорить. Если надо – значит надо.

Отец Алексей появился после обеда – невысокий, плотный, с окладистой бородой и маленькими хитрыми глазками. Он оглядел Солдаткина с ног до головы, крякнул.

– Ну, показывай, что знаешь.

– Буквы знаю, – ответил Митяй. – Мать учила немного. Батюшка в Зеленухе показывал.

– Читать умеешь?

– По слогам.

– Ну-ка, прочти.

Отец Алексей раскрыл часослов, ткнул пальцем в страницу. Солдаткин начал читать – медленно, запинаясь, но слово за словом складывал. Батюшка слушал, кивал.

– Годится. Не совсем безграмотный. Но язык у тебя – как помелом скребёт. Будешь учиться говорить правильно.

Он уселся за стол, раскрыл букварь.

– Аз, буки, ве́ди, глаголь, добро... Повторяй.

Солдаткин повторял. Буквы он знал, но батюшка заставлял произносить их по-особенному, на церковный лад.

– Не «буки», а «бу́ки»! С ударением! И не мычи, говори ясно.

– Бу́ки, – старался Митяй.

– Лучше. Теперь складывай: буки-аз – ба, ве́ди-аз – ва...

Так они просидели до вечера. Солдаткин потел, но дело шло.

– Устал? – спросил батюшка.

– Нет.

– Врёшь. По глазам вижу. Ладно, на сегодня хватит. Завтра продолжим.

Он собрал книги, задержался в дверях, обернулся.

– Ты, парень, не думай, что я тебя задаром учу. Барыня платит – я учу. А ты старайся. Грамота – она любому пригодится. Даже мужику.

– Я не мужик, – вдруг сказал Солдаткин. – Я гайдук.

Батюшка усмехнулся в бороду.

– Гайдук... Ну-ну. Гайдук тоже грамоте учиться должен. Кабы знать, где упасть – соломки бы подстелил.

И вышел.

А Солдаткин остался сидеть за столом, глядя на буквы.

Аз, буки, ве́ди... Он повторял их про себя, пока не заснул прямо за столом, уронив голову на раскрытую книгу.

Часть 7. Буквы и слоги

После уроков с батюшкой голова шла кругом. Солдаткин сидел вечерами в своей каморке, при свече, и водил пальцем по страницам часослова. Аз, буки, ве́ди... Он шевелил губами, повторяя буквы, и чувствовал себя маленьким, как в детстве, когда учился различать следы зверей в лесу. Только следы эти были чужие, непонятные.

Первую свечу он сжёг за полночь. Потом вторую. Пальцы уставали держать книгу, глаза слипались, но он гнал сон. В деревне он никогда не учился – не до того было. А тут появилось время. И он хотел понять.

На третью ночь дверь скрипнула. Он поднял голову – на пороге стояла барыня. В длинной ночной рубашке, с распущенными волосами, с подсвечником в руке.

– Не спишь? – спросила она тихо.

– Учусь, – ответил он.

Она подошла, села рядом, заглянула через плечо. На листе были нацарапаны корявые буквы – он пробовал писать.

– Молодец, – сказала она. – А зачем?

– Вы сказали, надо.

– Я сказала – надо. Но ты сам-то зачем учишься?

Он задумался. Вопрос был простой, а ответа не находилось. Зачем? В деревне грамота не нужна. Мужик должен пахать, косить, баб ублажать. А тут... Тут всё по-другому.

– Хочу понять, – ответил он наконец. – Что в книгах написано. Что вы говорите. Кто я есть.

Она долго смотрела на него, потом положила голову ему на плечо.

– Ты есть тот, кем себя сделаешь. А я помогу.

Они сидели молча, глядя на огонёк свечи. За окном шумел ветер, где-то вдалеке лаяли собаки. А в комнате было тихо, тепло и спокойно.

– Ты очень стараешься, Митяй, – сказала она наконец. – Я это вижу. И это хорошо.

– А что плохо?

– Плохо, если стараешься только для меня. Ты должен хотеть этого сам.

Он помолчал, потом ответил:

– Хочу. Сам.

Она улыбнулась, поцеловала его в щёку и ушла. А он остался сидеть над книгой, глядя на буквы. Аз, буки, веда... Теперь они значили больше, чем просто значки. Они значили путь. Куда – он ещё не знал, но уже хотел идти.

Часть 8. Дядька

Наутро после разговора с барыней Солдаткина вызвали во двор. Там уже стоял незнакомый мужик – сухой, жилистый, с лицом, изрезанным морщинами и глубоким шрамом на левой щеке. Одет просто, но по-военному: сапоги с высокими голенищами, куртка из толстой кожи, на поясе сабля.

– Это Дядька, – сказала барыня, стоявшая тут же. – Он

будет учить тебя военному делу. Слушайся его во всём.

Дядька оглядел Солдаткина с ног до головы – цепко, оценивающе, как лошадь на ярмарке. Подошёл, пощупал плечо, заставил повернуться, похлопал по спине.

– Материал добрый, – сказал он наконец. – Сила есть. Руки длинные, спина прямая. В седле сидеть умеешь?

– В деревне ездил, – ответил Митяй. – На крестьянских лошадках. Без седла больше.

Дядька усмехнулся:

– Без седла – это не верховая езда. Это баловство. Здесь кони боевые, тяжёлые. На них с голой задницей не усядишь. Буду учить с самого начала.

Он махнул рукой, приказывая следовать за собой. Пошли на конюшню. В стойле стоял огромный жеребец – гнедой, с широкой грудью и дикими глазами.

– Буран, – представил Дядька. – Твой конь, если сумеешь с ним сладить. Он злой, умный и хитрый. Прощает только тех, кто сильнее.

Солдаткин подошёл к коню. Тот прядал ушами, косил глазом. Митяй протянул руку – Буран дёрнул головой, клацнул зубами, но не укусил.

– Смелый, – кивнул Дядька. – Это хорошо. Трус на коне не воин. Теперь смотри: это седло, это стремяна, это узда. Запомнил?

– Запомнил.

– Повтори.

Солдаткин повторил. Дядька хмыкнул:

– Память хорошая. Это тоже пригодится. Ладно, садись.

Первый раз Буран сбросил его через минуту. Солдаткин встал, отряхнулся и полез снова. Сбросил через две минуты. И снова. К вечеру он уже держался в седле, но тело гудело от боли и усталости.

Дядька сидел на скамейке, курил трубку, наблюдал.

– Завтра продолжим, – сказал он, когда стемнело. – И по-слезавтра. И через месяц. Пока не научишься держаться как влитой. Ты теперь гайдук, парень. Гайдуки барыню берегут и усадьбу охраняют. А для этого надо уметь всё: саблей махать, пистолетом стрелять, в строю ходить. Научишься – будешь человеком. Не научишься – пойдёшь назад, в хлев.

Солдаткин кивнул. Слово «человек» снова зацепило его. Он не знал, что значит быть человеком, но очень хотел узнать.

Ночью, лежа в каморке, он чувствовал каждую мышцу – они ныли, болели, но в этой боли была странная гордость. Он учился. Он становился кем-то другим.

– Дядька, – прошептал он в темноту, пробуя имя на вкус.
– Дядька...

И заснул, не договорив.

Часть 9. Новый мир верховой езды

Наутро Дядька вывел его на плац. Солнце только вставало, роса ещё лежала на траве, а в воздухе пахло свежестью и конским потом. Буран уже стоял оседланный – огромный,

нетерпеливо перебирающий ногами, с диковатым блеском в глазах.

– Подойди, – велел Дядька.

Солдаткин подошёл. Конь дёрнул головой, захрапел.

– Не бойся, он умный, зря не обидит. Но и спуска не даст. Помни: ты хозяин, а не он. Если почует слабинку – заедит.

В деревне Солдаткин ездил верхом – на маленьких крестьянских лошадках, на которых и седла-то настоящего не было. Так, мешок с соломой, верёвка вместо узды. А тут... Седло тяжёлое, кожаное, со стремями, в которые надо было попадать ногами. Буран под ним казался горой – широкая спина, мощная шея, косые мышцы под лоснящейся шкурой.

– Садись, – скомандовал Дядька.

Солдаткин взялся за луку, вставил ногу в стремя, подтянулся – и Буран пошёл в сторону. Митяй повис на стремени, едва не свалившись, кое-как вскарабкался в седло. Конь затанцевал под ним, завертелся.

– Держи поводья! – крикнул Дядька. – Не отпускай!

Солдаткин схватил поводья, но Буран уже понёс. Не галопом – так, мелкой рысью, но для непривычного это была тряска, от которой зубы стучали. Митяй болтался в седле, как куль с мукой, хватался за гриву, за луку, за что придётся.

Дядька бежал рядом, орал:

– Ногами держись! Пятками в бока! Спина прямая! Не болтайся!

Буран сделал резкий поворот – и Солдаткин полетел в

пыль. Ударился больно, охнул, но тут же вскочил.

– Вставай, вставай! – кричал Дядька. – Не лежи, конь ждать не будет!

Солдаткин снова полез в седло. Буран дал ему забраться, постоял смирно, а потом взбрыкнул задними ногами. Митяй вылетел из седла, как пробка из бутылки, и приземлился в кусты.

– Хорош! – заржал Дядька. – Он тебя испытывает! Слабых он не любит!

Солдаткин выбрался из кустов, весь в листьях и пыли, с разбитой губой. Подошёл к коню, посмотрел ему в глаза. Буран смотрел в ответ – нагло, вызывающе.

– Ты злой, – тихо сказал Митяй. – Я тоже злой. Посмотрим, кто кого.

Он снова влез в седло. Буран попробовал брыкаться, но Солдаткин вцепился в гриву и держался, стиснув зубы. Конь вертелся, прыгал, вставал на дыбы – Митяй держался. Не красиво, не умело, но держался.

– Молодец! – заорал Дядька. – Сиди! Не падай!

Буран успокоился не сразу. Минут через пять он остановился, тяжело дыша, и покосился на седока. Солдаткин сидел, вцепившись в луку, и чувствовал, как дрожат ноги.

– Слезай, – сказал Дядька. – На сегодня хватит.

Митяй сполз с коня, едва держась на ногах. Всё тело болело – плечи, спина, ноги, даже зубы.

– Ничего, – усмехнулся Дядька. – Завтра будет больше.

А послезавтра – ещё большее. Но через месяц сядешь как влитой. И Буран тебя зауважает.

– Почему? – спросил Солдаткин.

– Потому что ты не сдался. Конь это ценит. Он сильных любит. Как люди.

Солдаткин посмотрел на Бурана. Тот стоял, опустив голову, и казался почти мирным.

– Завтра, – повторил он. – Я приду.

– Знаю, – сказал Дядька. – Ты упрямый. Это хорошо. Упрямство – половина науки.

Солдаткин поплёлся в каморку, смывать пыль и кровь. А в голове стучало: «Ты хозяин, а не он. Ты хозяин...

Часть 10. Конюшня

После первой выездки Солдаткин еле добрался до конюшни. Ноги гудели, спина болела, но надо было задать корм Бурану. Конь смотрел на него насмешливо, но стоял смирно, позволяя чистить себя скребницей.

В конюшне было тепло, пахло сеном, навозом и лошадиным потом. Стояли ещё несколько лошадей – гайдуцкие, ухоженные, с блестящими боками. У стойла курили трое – крепкие, обветренные мужики в одинаковых куртках. При появлении Солдаткина они замолчали и уставились на него.

Он узнал их – гайдуки, что несли службу в усадьбе. Старшего, верзилу с длинными руками и маленькими злыми глазками, звали Хорёк. Двое других – молодые, по фамилиям он не знал.

– А вот и наш бычок пожаловал, – усмехнулся Хорёк, сплёвывая на пол. – Барынин любимчик.

Солдаткин промолчал. Продолжал чистить Бурана.

– Глухой, что ли? – Хорёк подошёл ближе. – Я с тобой разговариваю.

– Слышу, – ответил Солдаткин, не поворачиваясь.

– А слышишь, так отвечай, когда старшие спрашивают.

– Ты мне не старший, – спокойно сказал Митяй. – Дядька старший. Ты – гайдук, как и я.

Хорёк за спиной Солдаткина переглянулся с товарищами, те заулыбались.

– Смотри какой смелый, – протянул он. – А ну, повернись.

Солдаткин повернулся. Хорёк стоял в двух шагах, набычившись, сжав кулаки.

– Ты думаешь, если барыня тебя в постель пускает, так ты тут главный? – тихо спросил он. – Здесь другие порядки. Понял?

Солдаткин смотрел ему в глаза. Не отводил взгляд, не хмурился, не улыбался. Просто смотрел – тем самым взглядом, от которого в деревне мужики отступали, а нечисть шарахалась.

Хорёк постоял, постоял, потом сплюнул и отошёл.

– Ладно, – буркнул он. – Работай. Но я за тобой приглядываю.

Солдаткин молча вернулся к Бурану. Внутри у него всё кипело, но он держал себя в руках. Барыня учила: иногда

молчание сильнее крика. Дядька говорил: в бою главное – не горячиться, а думать.

Он запомнил Хорька. Запомнил его лицо, его походку, его манеру говорить. Всё пригодится. Когда-нибудь пригодится.

– Не бойсь, – вдруг услышал он за спиной. Один из молодых, круглолицый парень лет двадцати, подошёл ближе. – Хорёк на всех новеньких бросается. Проверяет, значит. Ты держись спокойно, как сейчас, – и отстанет.

– А если не отстанет? – спросил Солдаткин.

– Тогда бей, – усмехнулся парень. – Но не до смерти. Он тоже человек, хоть и сволочь.

Солдаткин кивнул.

– Меня Егором звать, – представился парень.

– Митяй.

– Знаем, кто ты. Бычок, гайдук, барынин... ну, ты понял. У нас здесь просто: кто сильнее и умнее, того и уважают. Покажешь себя – станешь своим. А пока – держись.

Солдаткин кивнул и продолжил работу. А в голове стучало: «Покажешь себя...» Он покажет. Обязательно покажет. Но не сейчас. Всему своё время.

Часть 11. Игра третья: «Госпожа»

Вечером, когда он уже думал, что сегодня отдохнёт от её игр, барыня прислала за ним. Солдаткин вошёл в спальню и замер. Она сидела в кресле, одетая не в ночную рубашку, а в строгое платье с высоким воротом, волосы убраны, на лице – никакой улыбки.

– Подойди, – сказала она тоном, не терпящим возражений.

Он подошёл, остановился перед ней.

– Сядь на пол. У моих ног.

Он опустил на колени, как тогда, в первый раз.

– Сегодня ты будешь учиться просить, – сказала она. – Хочешь ко мне прикоснуться?

Он протянул руку к её колену.

– Нет. Сначала спроси.

– Можно? – выдавил он.

– Можно.

Он коснулся. Она сидела неподвижно, глядя на него сверху вниз.

– Хочешь поцеловать мою руку?

Он хотел просто взять её руку, но вспомнил правило:

– Можно?

– Можно.

Он поцеловал. Кожа её пахла духами, сладко и чуть терпко.

– Хочешь поцеловать меня в губы?

– Можно?

Она чуть наклонилась, подставила лицо. Он поцеловал – осторожно, неуверенно.

– Хочешь раздеть меня?

– Можно?

– Можно.

Он расстегнул платье, стянул с плеч, обнажил грудь. Она сидела, позволяя, но сама ничего не делала.

– Хочешь поцеловать меня здесь?

– Можно?

– Можно.

Он целовал её грудь, соски, живот. Каждый раз спрашивая. И каждый раз она отвечала: «Можно». Это было странно – не просто брать, а получать позволение. Но в этом была какая-то новая сладость.

– Хочешь войти в меня?

– Можно?

– Можно.

Он вошёл, медленно, осторожно. Она обхватила его ногами, но не двигалась, позволяя ему делать всё самому. Он двигался, смотрел ей в глаза и чувствовал, что она отдаётся ему не телом, а волей.

Когда всё кончилось, она долго лежала молча, потом сказала:

– Запомни это чувство, Митяй. Просить – не стыдно. Стыдно брать без спросу. Уважение к чужому телу начинается с вопроса.

Он кивнул, хотя не до конца понимал. Но знал одно: сегодня он был не просто исполнителем. Он был тем, кого допустили. И это дорогого стоило.

Часть 12. Первая драка

Через неделю Дядька объявил учебный бой.

– Хватит поодиночке махать, – сказал он, собрав гайдуков на плацу. – Настоящий бой – это когда против тебя живой человек. Будете учиться на деревянных саблях. Больно, но не смертельно.

Он раздал деревянные клинки, тяжёлые, окованные кожей на концах. Солдаткин повертел свой в руке – непривычно, не то что настоящая сабля.

– Первая пара: Хорёк и Митяй, – объявил Дядька.

Хорёк вышел в круг, поигрывая клинком, ухмыляясь. Солдаткин встал напротив, стараясь вспомнить, чему учил Дядька: стойка, ноги на ширине плеч, сабля вперёд.

– Начинайте, – скомандовал Дядька.

Хорёк сразу пошёл в атаку. Бил быстро, сильно, без остановки. Солдаткин отмахивался, но пропустил удар по плечу – обожгло болью. Потом по ноге – он чуть не упал. Потом по спине, когда попытался уйти в сторону.

– Двигайся! – орал Дядька. – Не стой столбом! Уходи с линии!

Солдаткин пытался, но Хорёк был быстрее, опытнее. Каждый его удар достигал цели. Митяй терпел, стиснув зубы, пробовал отвечать, но его удары либо не доставали, либо Хорёк легко их отбивал.

– Хватит! – крикнул Дядька через несколько минут. Хорёк отступил, довольно усмехаясь. Солдаткин стоял, тяжело дыша, весь в синяках, ссадинах. Деревянная сабля вывалилась из рук.

– Что понял? – спросил Дядька, подходя.

– Что слабый ещё, – ответил Митяй, глядя в землю.

– Правильно. Слабый. Но это лечится. Иди, приложи холодное к синякам. Завтра продолжим.

Хорёк проходя мимо, хлопнул его по больному плечу:

– Ничего, бычок, обвыкай. Тут тебе не барынина постель.

Солдаткин промолчал. Запомнил только.

Вечером он сидел в своей каморке, прикладывая к плечу мокрую тряпку. Всё тело ныло, но в голове было не это. Он прокручивал бой снова и снова, пытаясь понять, почему проиграл. Почему не мог ответить.

– Думаешь? – раздался голос от двери. Дядька стоял на пороге, с трубкой в зубах.

– Думаю, – ответил Солдаткин.

– И что надумал?

– Он быстрее. Опытнее. Я не успеваю.

– Ещё?

– Я злюсь. Когда злюсь – перестаю соображать.

Дядька кивнул, присел на лавку.

– Это уже хорошо. Причина понял. А вывод?

– Учиться надо. Больше.

– Правильно. И ещё: не злись. Злость застит глаза. В бою надо холодным быть. Как лёд. Тогда и бить будешь точнее, и уходить быстрее. Понял?

– Понял.

– Завтра продолжим. С Хорьком. Опять будешь проигры-

вать. И послезавтра. И через неделю. А потом – выиграешь. Потому что ты упрямый и голову имеешь. Не то что некоторые.

Он ушёл, а Солдаткин остался сидеть, глядя в стену. Тело болело, но внутри росло что-то новое. Не злость, не обида – решимость. Он научится. Он догонит. Он победит.

Не потому что Хорёк плохой. А потому что он сам должен стать лучше. Ради себя. Ради барыни. Ради того, чтобы быть человеком, а не бычком.

Часть 13. Ночной разговор

После боя Солдаткин не пошёл в свою каморку. Сел во дворе, на скамью у конюшни, глядя в тёмное небо. Синяки ныли, ссадины саднили, но это было терпимо. Хуже другое – внутри свербело от обиды и злости на самого себя.

Он проиграл. И проиграл позорно. Хорёк издевался, а он даже не мог ответить. Барыня его учит, Дядька учит, а он как был мужиком, так и остался.

– Не спишь?

Он обернулся. Барыня стояла в двух шагах, закутанная в шаль, с подсвечником в руке.

– Не спится, – ответил он.

Она села рядом, поставила свечу на скамью. Огонёк освещал её лицо – бледное, усталое, но не злое.

– Дядька рассказал. Говорит, ты хорошо держался.

– Плохо я держался, – буркнул он. – Он меня как мальчишку отлупил.

– И что?

– А то. Я – гайдук. Должен уметь драться. А не умею.

Она помолчала, потом сказала тихо:

– Знаешь, Митяй, меня тоже били. Не руками – словом.

Когда муж умер, все говорили: «Вдова, молодая, богатая, нагуляется». Я тогда плакала. А потом поняла: слова ранят сильнее, чем кулаки. И защищаться от них труднее.

Он смотрел на неё и видел впервые не барыню, не госпожу, не учительницу – просто женщину. Уставшую, одинокую, такую же, как все.

– Вы... ты... – он запнулся, не зная, как обратиться. – Ты тоже страдала?

– Все страдают, Митяй. Только одни ломаются, а другие становятся сильнее. Ты станешь сильнее. Я знаю.

– Откуда?

– Вижу. Ты не сдаёшься. Падаешь – встаёшь. Проигрываешь – злишься. Значит, живой.

Он взял её руку – холодную, тонкую. Пожал.

– Спасибо, – сказал он просто.

– За что?

– За то, что сказала. Что поверила.

Она улыбнулась – устало, но тепло.

– Иди спать. Завтра новый бой. И послезавтра. И через месяц. Но ты выиграешь. Я знаю.

Она встала, взяла свечу и пошла к дому. А он остался сидеть, глядя в тёмное небо, и думал о том, что она сказала.

Впервые он видел в ней не барыню, не госпожу, не учительницу. Просто человека. Такого же, как он сам.

Часть 14. Игра четвёртая: «Лекарь»

На следующий день после боя Солдаткин еле ворочался. Синяки расплылись по всему телу, каждое движение отдавало болью. Он уже собирался идти на конюшню, когда в дверь постучали.

– Митяй, – раздался голос барыни. – Помоги.

Он вышел. Она стояла в коридоре, держась за поясницу, с виноватой улыбкой.

– Спину скрутило. Не знаю, с чего. Поможешь?

Он кивнул. В деревне он часто массировал матери спину после тяжёлой работы – дело привычное.

– Ложитесь, – сказал он, указывая на кровать.

Она легла на живот, разделась до пояса. Солдаткин сел рядом, положил руки ей на спину. Кожа была гладкая, тёплая, под пальцами чувствовались позвонки.

Он начал мять, как привык – сильно, глубоко, разминая мышцы, как учил Дядька разминать коня после скачки. Она охнула и дёрнулась.

– Больно! Тише!

– Я осторожно, – сказал он, ослабляя нажим.

– Не так. Нежнее. Представь, что я не лошадь, а... цветок.

Он не понял, но послушался. Стал гладить, растирать медленнее, легче. Пальцы скользили по коже, чувствуя тепло, слушая, как под ними расслабляются мышцы.

– Вот так, – выдохнула она. – Хорошо... Ещё...

Он массировал долго, пока рука не затекла. Спина под его пальцами становилась мягче, дыхание ровнее. Она затихла, закрыв глаза.

– Ты чувствуешь разницу? – спросила она тихо.

– Чувствую, – ответил он.

– Какую?

– Когда сильно – больно. Когда нежно – приятно.

– В этом вся наука, Митяй. Сила и нежность. Одно без другого – либо боль, либо пустота. Учись сочетать.

Он молча массировал, а сам думал. В деревне он знал только силу. Крепко держать, крепко жать, крепко делать. А тут... тут надо было по-другому.

– Ты научишь меня? – спросил он.

– Учу уже, – улыбнулась она, не открывая глаз. – Продолжай.

Он продолжал. Долго, пока не задремала. А когда проснулась, повернулась и поцеловала его.

– Спасибо, доктор.

В ту ночь она учила его снова. Но теперь он знал: нежность – не слабость. Это другая сила.

Часть 15. Псалтырь наизусть

Отец Алексей был человеком въедливым. Он заставлял Солдаткина не просто читать, а учить наизусть целые псалмы. Митяй поначалу мучился – слова были чужие, непонятные, но он привык запоминать. В лесу он запоминал, где чей

след, где ягоды поспевают, где зверь лёжку сделал. Тут то же самое – только следы буквенные.

– «Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится», – бубнил он, раскачиваясь на табурете. – «Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него»...

– Хорошо, – кивал батюшка. – А теперь своими словами?

– Это как? – не понял Солдаткин.

– Ну, как ты думаешь, о чём это?

Митяй задумался. Слова были красивые, но далёкие. «Живый в помощи»... Кто живёт в помощи? Наверное, тот, кто надеется не на себя, а на Бога. Как он сам, когда в лесу с нечистью встречался. Только он не на Бога надеялся – на себя, на саблю.

– Наверное, это про то, что если на Бога надеешься, то он тебя спасёт, – сказал он медленно. – Как отец сына.

– Грубо, но верно, – кивнул батюшка. – А дальше?

– «Не убоишися от страха ночнаго, от стрелы летящая во дни». Это про нечисть, наверное. Ночью она ходит, пугает. А если с Богом, то не страшно.

– Нечисть? – переспросил батюшка, нахмурившись.

– Ну да. Упыри, кикиморы. Они по ночам выходят. Я их видел. Чужл.

Отец Алексей долго смотрел на него, потом перекрестился.

– Чудны дела твои, Господи. Мужик, а мыслит. Ладно,

иди. Завтра продолжим.

Солдаткин вышел от батюшки и задумался. Почему книжные слова так далеки от того, что он чувствует? Вроде бы про одно, а говорится по-другому. Может, и барыня учит его тому же – чтобы он научился говорить красиво, как в книгах, а чувствовать по-простому?

Вечером он спросил её об этом. Она улыбнулась:

– Ты начинаешь понимать. Книги – это не жизнь. Но они учат выражать жизнь словами. Чтобы другие поняли. Чтобы ты сам понял. Продолжай учиться.

– А вы верите в Бога? – спросил он вдруг.

Она задумалась.

– Верю. Но не так, как батюшка учит. Я верю, что есть что-то большее. Что мы не просто так живём. А как это называется – неважно.

Он кивнул. Кажется, он понимал. Батюшка говорил одно, она – другое, а чувствовали они, наверное, одинаково. Как он сам, когда смотрел на небо и думал о матери.

Часть 16. Военная наука: выездка

Неделя прошла в бесконечных падениях и подъёмах. Солдаткин уже не считал синяки – они покрывали всё тело, но он перестал обращать на них внимание. Буран больше не пытался сбросить его сразу – теперь он испытывал седока иначе, заставляя искать равновесие, подстраиваться под каждый шаг.

– Хватит просто сидеть, – сказал Дядька, наблюдая, как

Митяй в очередной раз съезжает на сторону на повороте. – Ты как куль с овсом болтаешься. Конь должен чувствовать тебя, а ты – его.

– Как это? – спросил Солдаткин, вытирая пот со лба.

– А вот так. Закрой глаза.

Солдаткин закрыл.

– Чувствуешь, как Буран дышит?

– Чувствую.

– Слушай его дыхание. Оно ускоряется, когда он волнуется, замедляется, когда спокоен. Ты должен дышать с ним в такт. Тогда вы станете одним целым.

Солдаткин прислушался. Буран фыркал, перебирал ногами, вздыхал глубоко, шумно. Митяй попробовал подстроиться – вдох, выдох, вдох, выдох.

– Теперь пошли его шагом, – велел Дядька. – Не поводишь ногами. Чуть сдави бока – и он поймёт.

Солдаткин сжал коленями бока Бурана. Конь шагнул вперёд.

– Хорошо. Теперь вправо. Чуть натяни левый повод и перенеси вес на правую сторону.

Он сделал – Буран послушно повернул.

– Влево. Снова. Круг. Ещё.

Они ездили по плацу час, другой. Дядька не давал остановиться, заставлял повторять снова и снова. К вечеру Солдаткин чувствовал коня почти как часть себя – каждое движение мышц, каждый вздох, каждое желание.

– Молодец, – сказал Дядька, когда стемнело. – Сегодня ты не просто сидел. Ты ехал. Разницу чувствуешь?

– Чувствую, – ответил Солдаткин. – Раньше я был на нём. А сегодня – с ним.

Дядька усмехнулся в усы.

– Правильно. В бою вы должны быть одним целым. Тогда и сабля будет рубить, и пуля мимо лететь. Иди отдыхай. Завтра продолжим.

Солдаткин спешил, похлопал Бурана по шее. Конь ткнулся мордой ему в плечо – впервые по-дружески.

– Ничего, брат, – шепнул Митяй. – Научимся. Вместе.

Часть 17. Успех

Прошло два месяца с того дня, как Хорёк впервые избил его на плацу. Два месяца бесконечных тренировок, падений, синяков и боли. Солдаткин выходил на плац каждое утро, отрабатывал удары по чучелам, учился уходить с линии атаки, держать равновесие на Буране. А по вечерам Дядька гонял его одного, ставя удар, оттачивая каждое движение.

– Хватит, – сказал однажды Дядька. – Сегодня будешь биться с Хорьком. По-настоящему.

Гайдуки собрались в круг, предвкушая зрелище. Хорёк вышел, поигрывая деревянной саблей, усмехаясь:

– Опять хочешь, бычок? Синяков мало?

Солдаткин молча встал напротив. Взял саблю, примерился. Внутри было пусто и холодно. Ни злости, ни страха. Только спокойная решимость.

– Начинайте, – скомандовал Дядька.

Хорёк сразу пошёл в атаку, как в первый раз – быстро, напористо, рассчитывая на испуг. Но Солдаткин не отшатнулся. Он ушёл в сторону, пропуская удар мимо, и тут же ответил – хлёстко, точно, по руке. Хорёк охнул, выронил саблю, но тут же подхватил её левой.

– Ах ты...

Он бросился снова, злой, неаккуратный. Солдаткин парировал, отступил, заставил противника раскрыться – и ударил снова. Сабля Хорька отлетела в сторону.

В кругу стало тихо. Хорёк стоял, тяжело дыша, сжимая пустые руки. Солдаткин замер, опустив клинок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.